

Анастасия Василёк

Мозаика судьбы

16+

Анастасия Василёк
Мозаика судьбы

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Василёк А. Л.

Мозаика судьбы / А. Л. Василёк — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Это история о судьбоносной связи, которую не разорвешь. Герои проживают множество жизней, борясь с роком, не зная, что все во многом зависит именно от них.

© Василёк А. Л., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Будущее – исполнитель провидения. В. Гюго
Оливия Браун. Нью-Йорк. 2032 год.

Мне снова ничего не снилось. Я каждую ночь проваливаюсь в черноту, в ней же и пробуждаюсь. Я лежала на своей большой одинокой кровати и смотрела в темноту утра. Наконец, я нажала кнопку рядом, и окно на всю стену стало прозрачным, впуслав в комнату ослепляющий солнечный свет. Я зажмурилась и с полужакрытыми глазами прошла в ванную. Из зеркала на меня смотрела девушка, выглядевшая не так молодо, как должна быть. Мне двадцать два года, но моя жизнь уже в тупике. Хотя сейчас это нормально. В двадцать лет ты проходишь тест на предрасположенность к профессиям, выбираешь одну, получаешь краткий курс обучения и до конца своих дней сидишь на одном месте, принося своим трудом пользу обществу. Институты перестали быть учебными заведениями, а просто стали банками знаний о прошлом. Например, если тебе суждено стать учителем, то ты идешь в институт и получаешь из базы данных информацию о предмете, который ты будешь преподавать, запоминаешь ее, на это дается некоторое время, и идешь на работу. Все просто. Время на вес золота, важно быть полезным здесь и сейчас, теперь никто не тратит годы молодости на просиживание в университетах. Никто.

Прошло два года, как я прошла свой тест. Мои родители были глубоко разочарованы, только бабушка сказала, что я еще буду счастлива, что стала тем, кем стала. Библиотекарем. Хранителем вечных знаний. В моем распоряжении оказались и электронные виды книг, и бумажные, которые на удивление не вымерли, а, наоборот, стали ценнее, так как являлись собой живой источник знаний о прошлом, не только текст, но и форму, которая также несла информацию. Власть призывала сдавать такие книги в архивы, но на деле они так там и остаются пылиться. Да, бумажные книги стали ценнее, но лишь формально, лишь как знак того, что прошлое человечества имеет значение для нашей верхушки.

Что же до моих родителей, то они, квалифицированные врачи, застали еще старую систему обучения, и новые порядки заставляли их содрогаться каждый день. Новые работники не имели тех навыков и опыта, которые имели старожилы профессий. Но тут все меняла техника, которая восполняла отсутствие опыта. Врач мог лишь формально участвовать в операции как наблюдатель. То же и со многими другими профессиями. Судья лишь выносит вердикт, решенный машиной, водитель лишь программирует маршрут, журналист лишь суммирует информацию, пришедшую ему на компьютер. Мы обслуживаем нашу технику, мы как аксессуары, которые не несут никакой важной функции – просто жалко выкинуть.

Все изменилось совсем недавно, но люди быстро приспособились. Переворот произошел из-за катастрофы, которая была ожидаема. Десять лет назад общество изжило себя, начались серьезные изменения в природе, с которыми человек вдруг не смог бороться, начались революции и мелкие войны. Великие державы теряли свое наследие, люди чуть не превратились в животных. Никто не знает точно, как все вдруг наладилось, но в итоге все правители, которым было чем управлять, договорились, что нужно создать новую систему. Детство мое прошло в старом мире, пока я росла и развивалась, то же самое делала и новая система. И вот ее расцвет. Кажется, она прижилась, но насколько долго, никто не знает. Побочные эффекты еще неизвестны. А прошлое, конечно, не забыто, но в пределах знаний. О политической ситуации в мире, истории прошлого в подробностях и причинах катастрофы призывают не говорить и сведения об этом хранятся в секретных хранилищах. А чтобы у людей было теперь как можно меньше контроля над своей и чужой жизнью, нами правят машины и группка невидимых нам людей.

Я выпила кофе, натянула невзрачное платье и вышла из квартиры. Время стало очень ценным, поэтому одновременно со мной вышли из своих квартир еще несколько человек. Теперь мы все живем по расписанию, опоздание даже на одну минуту может принести наказание. Мы все набились в лифт и поехали вниз. Личные отношения, наоборот, обесценились, никто не стремится сблизиться друг с другом, поэтому никто из соседей не общается между

собой. Я оглядела лица, которые вижу каждый день, и осознала, что не знаю их имен. Я помню время, смутно, конечно, когда мы жили в другом месте и каждый выходной мы собирались с соседями, болтали и веселились. На праздники все дарили друг другу что-нибудь. От этих мыслей мне становится грустно, но долго думать об этом мне не приходится: лифт открыл свои двери, и мы все выскользнули из него навстречу нашим ежедневным заботам.

До работы я предпочитаю добираться пешком, не люблю эти шумные автобусы, парящие с огромной скоростью над дорогой. Хотя на своих двоих я затрачиваю достаточно много времени, но я всегда прихожу вовремя. Как и в этот раз. Библиотека находится в центре города в старинном красивом здании с высокими колоннами и двумя статуями старцев на входе, держащих книги в руках. Охранник, который приходит еще раньше меня, радостно машет мне рукой и пускает внутрь. Тут наступает минутка, так же повторяющаяся каждый день, когда я сажусь на стул за огромной стойкой и просто оглядываю все эти стеллажи с книгами вокруг меня. Величайшие знания окружают меня, и я даже чувствую небольшое давление от них. Запах старины витает в воздухе. Приятный солнечный свет пытается пробиться сквозь толстые портьеры, но у него это плохо получается, поэтому вокруг теплая темнота. Компьютеры еще выключены, так что здесь пока что тихо. И каждый раз у меня пробегают мурашки по коже, я чувствую себя в колыбели вечности. Все нарушается, когда мне приходится нажать кнопку включения под столом. В одну секунду все компьютеры начинают жужжать, загорается свет, кондиционер разгоняет прелый запах книг. Сегодня понедельник, так что посетителей будет немного, и я могу посвятить день прочтению очередной книги из золотых запасов. Такими запасами я называю произведения, которые перестали быть актуальны в наши дни и в течение год не были взяты ни одним посетителем. Это самые лучшие книги, я называю их «лучшие для лучших». Про них забывают, потому что думают, что они больше не смогут открыть ничего нового. И тогда я решаюсь найти новый угол зрения на их содержание. Одни боятся читать эти книги, думая, что их могут наказать за это, другие воспринимают повествование в них, как фантастику. Иные испытывают страх, наоборот, от знания, что это было нашим прошлым, но мы все разрушили. А я хочу их читать, хочу знать, что было до всего этого, хочу знать могла бы я быть кем-то другим, если бы судьба преподнесла мне другое время.

Рабочий день пролетел быстро, я только в девять села читать, а вот уже и три часа дня. Я встаю из-за стола и начинаю ходить между огромных стеллажей, совершая некое подобие зарядки. Потом возвращаюсь на рабочее место, сажусь, закрываю глаза и слушаю шум работающих кондиционеров.

Кажется, я ненадолго уснула, и была вероломно выдернута из дремоты громкими возмущениями охранника. Обычно он так не делает, поэтому я взволновано вскакиваю и уже было направляюсь к выходу, как все неожиданно стихает. Потом слышатся громкие шаги, и тут в двери входят несколько человек, все в черной строгой одежде.

В детстве у меня часто случались приступы паники, и я очень долго не могла от них избавиться. Меня бросало в дрожь, а затем я начинала бежать. Иногда я могла бежать несколько часов подряд без остановки. Когда дела пошли в лучшую сторону, я перестала убегать, а просто жутко желала это сделать. И вот сейчас я готова была скрыться от них и как минимум час мчаться по улицам города. Чтобы не сделать этого, я решила атаковать их своим грозным видом. Получилось у меня плохо.

– Кто вы такие? Почему охранник пытался задержать вас на входе? – накинулась я.

– Так вот как у нас в библиотеках встречают посетителей! – отразил атаку самый пожилой на вид мужчина. Сразу стало понятно, что он главный.

Тут голос подал молодой человек, которого не было до этого видно из-за спин двух огромных парней: «Простите, что мы так шумно вторглись сюда, но у нас неотложное дело. Охранника немного испугал наш состав, но с ним мы уже все уладили. А теперь, надеюсь, и с вами не будет проблем».

Я сникла, у меня нет аргументов против такой вежливости.

– И какое же у вас дело? Какая-то особая книга? Документ из архива?

И тут в дело вступил последний член их группы – молодая женщина, с очень строгими чертами лица и елеинной улыбкой: «Вообще-то мы пришли именно к вам. Мы просим вас последовать с нами, так как у нас к вам есть очень интересное предложение».

– Собственно говоря, это не предложение, а приказ. Мы кураторы национальной организации исследований прошлого. Сейчас мы на пороге великих открытий, и вас отобрали как кандидатку на участие в эксперименте.

– Что? Меня отобрали? А спросить меня не хотели? Я не могу уйти с работы и пойти участвовать в каком-то непонятном эксперименте, – я была возмущена.

Тут пожилой достал какую-то бумагу из кейса и сунул мне ее прямо в нос со словами: «Постановление главы государства, вы не имеете права отказаться, это на благо страны. Ваш начальник предупрежден, вам будет найдена замена на время испытаний. Думаю, стоит прекратить разговоры и пройти с нами».

И тут я поняла, что два огромных парня были здесь представителями силы, и если я и хотела им отказать, меня ждала встреча с ручищами двух этих громил. Поэтому я дрожащими руками беру сумочку и понуро бреду к выходу, оглядываясь на процессию за моей спиной. Группа что-то обсуждает, держась от меня на расстоянии, видимо, чтобы я ничего не слышала. На выходе я смотрю на охранника, он грустно пожимает плечами и закрывается от нас журналом. У здания стоит шикарная черная машина, лучшая модель современности. Окна в ней полностью затонированы, от этого становится не по себе. Машина полностью автоматизирована, водителю нужно было лишь задать маршрут и все. Так что как только последний из нас в нее сел, она тут же взмыла в воздух и помчалась на неощутимой для меня скорости сквозь пространство города.

Пока мы ехали, я вспомнила, как читала книгу какого-то русского писателя, который описывал, как в их далекие времена к ним домой могли заявиться страшные люди, без объяснений забрать их из дома, и тот человек больше не возвращался. По спине пробежали мурашки, и я решаю расспросить самого приятного из команды, молодого красавчика: «А вы не можете мне рассказать подробнее обо всем?».

Он одарил меня приятной улыбкой и уже собирался ответить на вопрос, как вмешалась женщина и грозно произнесла: «Никаких вопросов».

Красавчик пожал плечами и уткнулся в свой телефон. Замечательно! Значит, мои родственники даже не узнают о том, что меня превратили в монстра в ходе каких-нибудь экспериментов.

Я погруженная в размышления даже не заметила, как машина остановилась, и поняла это только тогда, когда пожилой начал толкать меня к выходу. Оказалось, что уехали мы недалеко, да что говорить, это был самый центр города. Вокруг кипела деловая жизнь, а над головой возвышалось огромное стеклянное здание, похожее на факел. Пожилой, продолжая меня толкать, направил меня к входу. И тут я неожиданно осталась наедине с этой змееподобной женщиной.

– Меня зовут Беатрис. Я здесь научный работник. Мы приносим извинения за то, что все проходит так бестактно, вообще-то остальных членов группы мы набирали немного по-другому, но вы оказались последней, а сроки уже поджимают. Вам все объяснят по ходу действий. Сегодня первый сеанс, – она оттараторила это складной скороговоркой. Я все еще помнила, что не должна задавать никаких вопросов, поэтому делала это мысленно. Группа? Сроки? Действия? Страх нарастал и достиг пика, когда я оказалась перед большой белой дверью... одна. Беатрис скрылась незаметно, пока я снова задумчиво размышляла о произошедшем и рассматривала пол под ногами. Какая же я глупая, нужно было следить за ней.

Мне оставалось лишь одно. Войти.

Просторный белый зал ослеплял своей пустотой. Одно большое окно открывало панораму на город, внизу мелькали машины и автобусы. В центре помещения стояли кругом шесть стульев. За ними сидели трое мужчин и две женщины, я была третьей и шестой. Когда дверь за мной закрылась, все дружно повернулись в мою сторону, и каждый по-своему оценил меня. Раздражение в этом помещении я могла потрогать руками, и, как бы странно это ни было, от этого мне стало легче. Не я одна буду недовольна всем, что происходит. Я неуверенно подошла к свободному стулу и села, стараясь не смотреть никому в глаза. Но со мной разговор начали сами: «Ты тоже попала в это дерьмо, поздравляю».

Это сказала молодая девушка в коротком платье, увешанная украшениями, с идеальной прической и макияжем, и прозвучало это из ее уст как-то неестественно. Девушка была красива, но чем-то отталкивала от себя.

– Да, чем они тебе угрожали, милочка? – а это сказал толстый мужчина в костюме.

– Простите? Угрожали? Мне не угрожали.

Я решила умолчать тот факт, что ко мне заявились посреди рабочего дня неизвестные мне люди с двумя амбалами.

Повисла пауза, от которой у меня побежали мурашки по коже. Я уже хотела было сказать что-то в свое оправдание, как в зал вошел тот самый пожилой мужчина, позади плелся молодой парень из машины, неся в руках два чемоданчика.

– Я надеюсь, вы еще не успели познакомиться друг с другом, потому что эту честь я хотел предоставить себе. Я Мартин Хэлс. Я ученый, вы мои подопытные. Такие отношения мы установим через несколько минут, это все, что нам будет важно в ближайшее время. Но, чтобы нам все же было комфортно, я расскажу вам кто здесь, кто за пределами этого здания. Начнем. Мария Микан, модель, родом из Польши, – ученый указал на грубую блондинку, она же всем помахала рукой и улыбнулась какой-то фальшивой улыбкой, так что мне захотелось отвернуться и не видеть ее лица никогда.

– Мария приехала в Нью-Йорк с родителями уже после передела мира, работу нашла быстро, в основном на всевозможных мелких показах. Но однажды нашей прекрасной даме захотелось большего, и она приняла участие в откровенной фотосессии, на которой она надеялась получить легкие деньги. И тут неожиданно выяснилось, что ее пригласили дефилировать на очень важном показе, и эти фотографии могли очень многое испортить. Ведь фотограф, которому она продала свое обнаженное тело, оказался простым служителем порно-индустрии. Ох, эти фотографии могли бы наделать много шума, и карьера Мари, которая и так на ладан дышала, разлетелась бы в полный прах. Мы появились как раз вовремя, не правда ли, Мари? – Хэлс улыбнулся ей, она попыталась ответить такой же улыбкой, но в итоге получилась лишь вымученная гримаса. Мне стало неловко, но я поняла, что жду продолжения, потому что уверена, что у меня секретов нет.

– Следующая наша звезда Фрэнк Салливан, – это был молодой человек с прекрасным телосложением, в спортивной одежде, и на его лице явно было написано отвращение ко всему происходящему. Неужели и у него есть темные секреты? Я не понимаю сути речи Хэлса.

Хэлс продолжил: «Фрэнк из хорошей американской семьи, где он единственный и всеми обожаемый сынок. С детства он играл в футбол и стремился всегда быть уважаемым всеми. Но однажды он повредил ногу и никому не сказал. Ведь скоро был очень важный матч, и он просто не мог подвести команду. Поэтому он нашел врача, который скроет его травму и поможет с нужными медикаментами. Однако допинг-контроль штука страшная, когда все вскрылось, исключить собрались не только Фрэнка, но и всю команду. И снова мы рядом, как ангелы-хранители. Можешь нас не благодарить, Фрэнк, надеюсь, вы выиграете этот матч, когда ты освободишься».

Молодой человек покачал головой и даже не взглянул на ученого.

– Продолжаем. Карл Линдберг, – при упоминании своего имени толстый мужчина стал еще краснее, чем был, по его лицу струился пот.

– Карл – предприниматель из Швеции. За вами, сэр, нам пришлось ехать. Но вам не стоит так беспокоиться, может воды? – Хэлс кивнул молодому человеку и тот скрылся на секунду, чтобы тут же вернуться со стаканом прозрачной холодной воды. Пока Линдберг жадно пил, я поняла, что у у меня самой губы пересохли от такого количества чужих секретов.

Но Мартин не останавливался: «У Карла тоже печальная история. Он еще до передела мира женился на прекрасной девушке, у которой было очень много денег. Понятное дело, что брак основывался на втором плюсе девушки. Карл строил бизнес, но жену не любил, и, как это обычно заканчивается, он начал ей изменять. И так увлекся, что однажды выбрал не ту девушку. Любовница оказалась чужой возлюбленной, а точнее женой одного опасного бандита в Швеции. В общем, Карлу грозило не только разоблачение перед женой, но и, скорее всего, смерть. Скажу честно, Карл, вашу проблему было очень сложно уладить, не каждый день мы договариваемся с людьми, которые контролируют преступный мир целого города. Но теперь все хорошо, вы с нами», – Мартин Хэлс получал удовольствие от каждого сказанного им слова. Он знал все тайны этих людей, даже самые сокровенные, и им было страшно от этого, и их страх питал его.

– А это просто Люси, – ученый показал на маленькую темноволосую девушку, которая мне показалась такой беззащитной, что я просто не хотела слушать про нее гадости. Но Мартин в этот раз был короток: «Она проститутка. Тут не нужны комментарии. Мы спасли ее от тюрьмы. Продажа тела теперь преследуется намного строже, а так мы отправим тебя, Люси, в хороший публичный дом, чтобы все было законно».

По щеке Люси скатилась слеза. Я не могла на это смотреть, я быстро достала из сумочки платок и протянула соседке. Она, всхлипывая, кивнула, а Хэлс сделал вид, что ничего не заметил.

– А это Пол Милтон. Он просто убил человека, и мы поможем ему скрыться от закона, хоть это не очень правильно.

Молодой человек в черной футболке и джинсах, с черными взъерошенными волосами и темными глазами улыбнулся Хэлсу и громко сказал: «Воистину благодарю вас за такой великий дар, что вытащите мой зад из такой передраги, вы наш спаситель».

Он был потрясая в своей уверенности и смелости. Было понятно, что Пол издевается, но никто не подал виду. Убийца сидел так близко, я никогда в жизни не находилась рядом с таким большим количеством по сути преступников, да что там говорить, я только по телевизору их видела. А теперь получается, что каждый в этой комнате, так или иначе мог попасть в тюрьму или еще хуже – умереть. Все это были преступления в наше время: допинг, порно, проституция на улицах. Это все отклонение от правил, норм, законов. Разрушение нового идеального общества.

Я заерзала на стуле, была моя очередь, но они ни от чего меня не спасали, значит, у них есть что-то, чего даже я не знаю.

– Оливия, встаньте, пожалуйста, – я исполнила просьбу.

– Перед вами образец чистоты и безгрешности, если мы можем говорить о таком в наше время, когда религия ушла на задворки прошлого. Эта девушка здесь, потому что она само добро, всегда поступающая правильно, и она поможет нам понять, откуда берется добро. Она ценнее всех вас вместе взятых, потому что ей не о чем сожалеть, – Хэлс на секунду замолчал, затем закончил, – кроме своей скучнейшей и никчемной жизни.

Мое лицо покрыла непроницаемая маска отчуждения. Этот человек все-таки сумел задеть меня. Я была не такая, как все, я слишком часто вспоминала старые порядки и чувствовала себя неуютно в этом новом холодном мире. У меня не было рядом родителей, не было любимого и не было друзей, коллег у меня, по сути, тоже не было. Я жила в полной оторванно-

сти от мира и меня это мучило. Приходя в кафе выпить чашечку кофе, я начинала разговор с кем-то из посетителей, но все от меня отворачивались. Это заставляло меня еще больше думать потом, как все изменилось. Я начала вести дневник, который хранился только одной копией на моем компьютере, и именно в нем я высказывала так называемые в наше время «бунтарские взгляды», за которые могло следовать наказание, так как этого новое правительство боялось больше всего. Снова потерять контроль над людьми. Но я не собиралась менять мир, я жила в своем личном. А эти люди проникли в него только ради того, чтобы я участвовала в их эксперименте. Наш подбор был не случаен: все мы жили не по схеме, все мы нарушители и выбиваемся из системы. Это система могла нас просто стереть, но она решила нас использовать.

Среди моих мыслей раздался голос: «Ну, если это ее худшее преступление, я думаю, мы сможем простить ее», – это был Пол, и я была благодарна этому неизвестному юноше-убийце, что он спас меня от Мартина, который явно собирался продолжить.

– О да, Пол, ты прав. Этого достаточно, – Мартин мне многозначительно улыбнулся. Я села на стул и обхватила себя руками. Я здесь не больше пятнадцати минут, но уже чувствую себя как в клетке.

– А теперь к делу. С этого момента никого в этой комнате не должно волновать кто есть кто за ее пределами. Нас интересует лишь прошлое. Ваше прошлое, о котором вы не подозреваете.

Все в комнате удивленно на него уставились, совершенно не понимая, что Мартин имеет в виду.

– Наш проект засекречен, так что до этого момента мы не предоставляли вам информацию. После того, как мы все вам разьясим, вы так же не имеете права говорить о том, что здесь происходит, кому-либо за пределами здания. После первой встречи вы все подпишете договор, в котором будут прописаны все правила эксперимента.

– Может, уже к делу перейдем? – нетерпеливо воскликнул мой сосед. Мысленно я была с ним согласна, так как этот дьявол в костюме явно растягивал беседу для личного удовлетворения.

– Ну, раз вам не терпится... Генри, раздай планшеты.

Красавчик тут же раскрыл один из кейсов и достал оттуда шесть блестящих планшетов. Быстро раздав их нам, он вернулся на место ко второму кейсу. У всех планшеты были выключены. Мартин снова начал говорить: «Из-за неправильной политики прошлых властей случилась глобальная социальная катастрофа, и мы утратили много информации о прошлом нашей планеты. Новое правительство после нескольких лет работы приняло решение, что желает проанализировать историю, чтобы больше таких трагедий не случилось. Но история оказалась частично покрыта мраком. И мы говорим не о фактах, таких как войны, эпидемии и многие другие, мы имеем в виду историю человека, его поведения и социального падения. А раз правительство в этом нуждается, значит должны быть те, кто смогут решить их проблему. И это мы. Ученые-химики несколько лет назад задались вопросом: существует ли у человека душа? Станный вопрос, нелепый. Но они нашли в организме человека нечто необъяснимое, а точнее, энергетический слой, обволакивающий сердце. Он почти неуловим. Но они уловили. И новый вопрос: хранит ли этот слой что-то? И снова неожиданный ответ: да, у этого энергетического слоя есть память. Но вытащить из нее информацию очень сложно. Однако уже не невозможно. Нами разработана сыворотка, которая помогает человеку впасть в транс на таком уровне, что он буквально «очищается» от всего и становится «чистой» энергией, которая и раскрывает нам прошлое. Сыворотка была испытана всего лишь на одном человеке, и мы смогли проследить его духовную жизнь до 18 века. Далее мы заходить пока не рискуем, так как боимся, что у нашей сыворотки есть побочные эффекты, о которых мы еще не знаем. Вы – группа, чье прошлое мы решили исследовать. Ваша задача – каждый день, кроме выходных, появляться здесь, получать сыворотку и впадать в транс. После каждого сеанса вы должны рассказывать

ваши ощущения. Все рассказывать не обязательно. В ходе испытаний мы неожиданно открыли возможность подключаться к вашему энергополю с помощью прибора, который ловит любые волны. Он показывает нам запись примерного вашего приключения, хоть и искаженно, схематичными картинками, но этого достаточно. Главное для вас – держать эти приборы в руках», – он кивнул в сторону наших планшетов и неожиданно у всех загорелись зеленоватым светом экраны.

– Готовы начать?

– Прямо сейчас?! – неожиданно для себя воскликнула я.

– А почему бы и нет? Сегодня у нас пробный вариант, так сказать, проверка на переносимость эксперимента. Естественно, если кому-то станет плохо, мы исключим его из дела и найдем замену. Но это не в ваших интересах. Генри...

Молодой красавчик кивнул и молниеносно открыл второй кейс. В нем находились шесть шприцов с красной жидкостью. Генри раздал их нам.

– Вколите эту жидкость в вену левой руки. Сделайте это, пожалуйста, сами, так эффект ощутимее, по неизвестным нам причинам. И удачи вам в вашем путешествии, – Мартин улыбнулся нам хищной улыбкой и вышел из комнаты. Генри остался стоять у двери, будто ожидая своего хозяина.

Несколько минут мы были в замешательстве, но потом парень-убийца смело воткнул шприц в руку. И все, как по команде, повторили за ним. Несколько секунд ничего не происходило, а потом мир перестал существовать.

Брук Джоунс. Йемен. 2010

В следующую секунду я уже в другом месте. И, кажется, в другом теле. Не могу это точно объяснить, но у меня чувство, будто мир тесноват для меня, будто мысленное пространство я делю с кем-то еще. Да, это странно, но именно такие у меня ощущения. И только я начинаю привыкать к этому теснящему чувству, как все приходит в движение. Я пришла в движение, причем абсолютно неконтролируемое мной. Я постаралась настроиться, начала со зрения. Стараюсь мысленно представить, что я шурю, и мир начинает обретать более четкие очертания. Вокруг меня голые кирпичные стены, пол – земляной, потолок – низкий. Света нет, и комната освещается лишь благодаря одному окну, занавешенному грязной тряпичей. Пока я осматривалась, ко мне сквозь плену начали долетать звуки. Это плач и причитания, и негромкие сердитые спорящие мужские голоса. Со звука я переключила зрение на внутренность комнаты и была сильно удивлена. Вдоль стен сидят люди, много людей. Это и женщины, закрытые платками, и мужчины с грозными автоматами и другим оружием, то могли быть и ножи, и даже длинные острые палки. Еще здесь несколько детей, которые сильно напуганы и от этого громко плачут. Наконец пришло время сконцентрироваться на собственном теле. Оно раскачивалось. Я почувствовала комок нервов, он как будто не мой, поэтому так выделяется на фоне моего чувства обычного удивления. И тут я наклоняюсь к женщине, которая сидит рядом. Мне требуется некоторое время, чтобы снова сфокусировать зрение на ней. Она вся какая-то грязная, испуганные глаза обводят комнату быстрым взглядом снова и снова, и когда я обратилась к ней, она немного вздрогнула. Мой голос все еще, кажется, мой голос, лишь слегка с хрипотцой. Я спрашиваю: «Как вы думаете, надолго мы здесь? Сколько длилась прошлая атака? Как вы считаете, армия США вносит свой вклад в борьбу с Аль-Каидой?»

Кажется, глаза женщины распахнулись еще шире, оно неловко почмокала губами, как будто хотела, чтобы ее ответ был сочным и притягательным. Но только она открыла рот, чтобы что-то сказать, как дверь распахнулась с ноги. Общая волна испуга прошла по всем, но вместо людей с оружием в дверь вошел лишь один – единственный человек: мужчина с густыми черными волосами и большой камерой в руке, к который явно должен был прилагаться штатив, но он, видимо, был потерян.

– Быстрее, – крикнул он и подал руку мне. Я хотела сразу же ухватиться за эту руку, так как в чертах мужчины увидела что-то очень знакомое и приятное, но мое тело замедлилось на секунду в нерешительности, но это было незаметно для окружающего мира, я же это просто смогла почувствовать.

Мы бежим между домами, которые создают узкую грязную улочку. Мы двигаемся не останавливаясь. Наконец, впереди показался маленький сарайчик.

– Мне нужен отдых, – воскликнула я. Но это была не я. Я готова бежать еще дальше от этого непонятного мне хаоса. Но не мне это решать. Мы заходим в маленький сарайчик и садимся на земляной пол, тяжело дыша. Я достала телефон и быстро набрала номер. Голос, который я услышала в следующую секунду, заставил внутреннюю меня содрогнуться. Ощущение, будто я уже слышала его где-то, и я его боялась, но моя соседка по голове думает по-другому. Она любит его. Кажется, любит.

– Марк? Ты меня слышишь?

– Брук? Это ты? Боже, я не могу до тебя дозвониться уже три дня, я поднял на уши всю твою газету, они связались с министерством иностранных дел, они уже начали искать вас! Где вы?

– У нас не было связи здесь, террористическая группировка атаковала местность близ Йемена, я в одном из селений недалеко.

– Ты сможешь добраться до столицы?

– Я... я не уверена.

– Джош с тобой?

– Да, мы вдвоем.

– Тогда вы должны добраться до Йемена, вас там будут ждать.

Кажется, разговор закончился, я думаю, что сейчас он положит трубку, но нет.

– Брук, я люблю тебя!

– И я, Марк! Жди меня.

– Я...

Связь прервалась. Моя дрожащая рука сжимает телефон. Я поднимаю глаза на Джоша.

– Он сказал идти в Йемен.

– Идти? А твой влиятельный парень не может прислать за нами кого-то? Нам придется пройти большое расстояние по открытой местности, он буквально посылает нас на смерть.

– Джош, это война, мы не на курорте, и никто не обязан предоставлять нам эскорт. Мы на работе, мы сами выбрали этот путь. Наш долг быть здесь и показать миру весь ужас, что здесь творится.

– Я вообще не хотел в этом участвовать, если бы не ты...

Он посмотрел на меня таким пронзительным взглядом, его рука потянулась к моему лицу и стерла слезинку со щеки.

– Джош, не надо, все давно в прошлом.

Я поднялась и вышла из сарая, он за мной.

– Кончилось? Не для меня!

Я направилась к песчаной дороге, оглядывая местность. Никого. Пугающе никого.

– Ты не боролся за меня!

Он схватил меня за руку и развернул к себе: «А я могу? Мог я бороться с ним? Он наврал тебе обо мне, а ты поверила. Это ты не боролась!»

Я смотрю в его глаза, и вдруг шепчу: «Прости».

Сама я не понимаю, почему говорю это, пытаюсь раскопать ответ внутри себя, но эти двое уже прижимаются к друг другу, еще чуть – чуть и они поцелуются, как тишину разрывает рев мотора.

Две машины выезжает со стороны пустыни, прямо на ходу из них вылетают люди с заморозенными лицами и автоматами в руках. Они что-то кричат, подбегают к нам и тыкают прицелами в нас. Животный страх захватывает меня, я пытаюсь бежать, но один из террористов, а это именно они сомнений нет, хватает меня за руки и заламывает за спиной. Джош что-то кричит на арабском языке, другая я это понимает, но я настоящая в таком шоке, что теряю контроль над телом. Наконец машины останавливаются, и оттуда выходит высокий араб. Его лицо открыто, и это пугает еще больше. Он подходит к нам и начинает смеяться, а потом говорит: «Американские журналисты? Наконец-то вы попались. Не бойся, милая, – он гладит бьющуюся в руках боевика меня по щеке, – я верну тебя домой особой посылкой. Тащите их в штаб»

Террористы тут же исполняют приказ. Завязывают нам глаза и, видимо, толкают к машине. Мне темно и страшно, мне нечем дышать. Мы едем совсем недолго, я постоянно чувствую дуло автомата у лопаток. Мысли перемешиваются в голове. Я уже не знаю, где я настоящая, а где из прошлого. Все заканчивается подвалом. Я сижу на стуле, напротив Джош. Губа разбита, но я не помню, когда его били. Лампочка на проводе раскачивается над нами, озаряя помещение тусклым светом. За спиной Джоша стоит все тот же улыбающийся негодяй. Он смотрит только на меня. Мы встречаемся взглядами, и я знаю, чем все закончится. Смерть в его глазах, только смерть, больше ничего.

– Знаете, вы, американцы, не умеете ценить жизнь. Вам вечно нужно лезть туда, куда вас не зовут. И я думаю, пора преподать твоему народу урок. Мой народ разберется в своих делах сам. А чтобы твои люди усвоили все хорошо, я пошлю им учебный фильм.

Он говорит это и смотрит мне в глаза. И я понимаю, что плачу.

– Принесите его камеру.

Приказ выполняется.

– Ты будешь снимать, – он протягивает камеру Джошу.

– Никогда, ублюдок!

– Ты будешь снимать или я расчленю ее на твоих глазах.

Я всхлипываю и с мольбой смотрю на Джоша. Я вижу в его взгляде столько любви, что знаю, он сделает это ради меня. Его развязывают, но тут же приставляют к голове автомат. Он берет дрожащими руками камеру. Главарь подходит ко мне и говорит: «Включай».

Джош делает то, что он говорит.

Прямо над моим ухом звучит его холодный голос, она говорит на ломанном английском:

«Я обращаюсь ко всем американцам – не лезьте в чужие дела. Это наша страна и наша война. С каждым американцем на нашей земле мы сделаем это...»

Я так хотела услышать, что же это, мне показалось, что его голос удаляется от меня, и я уже хотела повернуться, как... волна боли быстро начала разливаться от головы по всему телу. Я почувствовала, как меня выталкивает из этого тела. Я беспокойно взглянула на Джоша, его руки дрожали, и он плакал. Он смотрел не в мои глаза, потому что я поняла, что я уже не в теле. Я исчезала. В последнюю секунду я увидела всю сцену как с высока – Брук сидела на стуле, голова была одной большой кровавой раной, но один глаз был виден сквозь кровь, и он был широко открыт и смотрел прямо на Джоша. Я стала задыхаться, я умирала вместе с ней.

Оливия Браун. Нью-Йорк. 2032 год

Сначала было ослепительно светло, а потом я поняла, что падаю. Мне было плохо, несколько секунд я вообще не понимала, кто я, билась на полу, как рыба, выброшенная на берег, потом чьи-то холодные руки начали поднимать меня и пытаться поставить на ноги. Голоса, кто-то слегка бьет меня по щекам, а я все не могу сфокусироваться и наладить дыхание. И тут я слышу знакомый голос: «Ты не Брук, ты Оливия! Ты жива!»

Я жива. Я делаю глубокий вдох... передо мной на коленях стоит Джош... нет, это Пол, но я вижу в нем слишком много схожих черт с Джошем. Я пытаюсь начать говорить, но голоса нет. Поэтому я хватаю за руку Пола и многозначительно смотрю ему в глаза. Я хочу, чтобы он

сказал это вслух. Что он – это Джош. Но ко мне уже бежит Беатрис с женщиной в белом халате. Меня, как тряпичную куклу, хватают под руки и ведут куда-то. Я оглядываюсь в поисках все тех же глаз, но все уже перемешались в беспокойстве. Я отключаю себя.

Включаюсь, видимо, в каком-то медицинском кабинете. Надо мной стоит Беатрис, ее брови нахмурены, а рот натянут тонкой возмущенной ниточкой.

Голос пробивает изнутри: «Я не виновата. Вы не предупредили о моей смерти».

– Вы все умерли там. Лучшая проверка – отправка в самые неожиданные условия. Но после этого тебя должно было вынести оттуда, как на волне. Ты четко должна была чувствовать, где ты, а где твое прошлое я. С тобой так было?

– Нет, меня оттуда как будто силой вытягивало. Я видела себя...ее мертвой. И меня убили...я не готова...была не готова...

Взгляд Беатрис смягчился, она присела рядом: «Я предупреждала их, что нужна психологическая подготовка. Но ученые всегда торопятся. Они позвонят тебе, будет обсуждение твоего дальнейшего участия. Это неизвестная нам реакция, мы должны ее проанализировать. Но поверь, ты ценна для нас, как и все. Думаю, кое-кто сверху будет бороться за твое участие».

Это меня и радовало, и огорчало одновременно. Я не хотела здесь быть, но за один раз была достаточно замешана в чем-то, что должна была продолжить ради себя.

– А Джош? То есть Пол.

Беатрис остановилась в дверях: «А что с ним?»

Она ничего не знала.

– Какой у него был выход?

– Говорят, он сразу бросился к тебе. Странная реакция для убийцы. Пытается заработать себе репутацию, чтобы мы его потом спасли.

Ничего важного для меня. Я вышла через пять минут после Беатрис, и увидела их с Мартином в конце коридора, они о чем-то яростно спорили, можно было сказать – ругались.

За мной вышла медсестра и провела меня по коридорам к выходу, буквально вытолкнув на улицу. На сегодня я им больше не нужна.

Голова болела, мысли все разбежались, я не знала о чем сама же думаю. И тут в тени здания я увидела Пола, он стоял и курил, не смотря в мою сторону. И видя его, я так разозлилась, ведь его не анализируют! Я подскочила к нему и набросилась на него: "Почему ты им все не рассказал? Ты же Джош! Они должны знать это!"

Он как-то устало и нехотя повернул голову в мою сторону и произнес: «Я думаю им и без моих слов все известно. Другой вопрос – почему нам не сказали».

– Беатрис ничего не знает.

– Или хочет, чтобы ты так думала.

– ...Но почему ты легко вернулся?

– Из-за те...Брук. Не думай, что на тебя пришлось все самое сложное. Ты просто взяла и умерла. А мне пришлось на это смотреть, снимать!

Он слегка повысил голос и достал вторую сигарету. Жадно затянувшись, он вопросительно на меня взглянул.

– Что-то еще?

– Если мы там были в одно время, значит, ты тоже...

– Кажется, на примере Брук они показали, как решаются у них проблемы. Не думала же ты, что они меня отпустят. Чтобы передать запись мы живыми им были не нужны. Убили сразу после тебя. Тут меня и вынесло.

– Так спокойно об этом говоришь.

– Я же убийца.

Он ухмыльнулся, потушил сигарету и направился назад в здание. Вот где его убежище. Прямо там, где на нем ставят опыты. Клетка для лабораторной мыши. Я растерянно огляну-

лась, пытаясь осознать, как добраться до дома. Тут, как по моему желанию, открылась дверь припаркованного автомобиля, и оттуда показалось лицо красавчика.

– Я подвезу Вас домой.

Я кивнула и плюхнулась на переднее сидение. Машина легко взлетела и помчалась вперед.

– Трудный денек выдался, да?

Красавчик не нуждался в наблюдении за дорогой, поэтому решил поболтать. Я же была не расположена к беседе, поэтому буркнула: «Ну, один из нас сегодня умер, так что суди сам».

– Знаете, нас ведь ни о чем не предупреждают, так что не обижайтесь, что вам ничего не раскрыли. О делах знают совсем не многие, те, кто стоит над этим. Они Мартина-то с Беатрис посвятили по необходимости. Я вообще удивлен, что для эксперимента выбрали не тех, кто работает внутри организации. Мы знаем почти все изнутри, в смысле, мы знаем, из чего состоит сыворотка, мы проводили опыты...

Я удивленно взглянула на него. Я была уверена, что он обычный мальчик на побегушках, а он ученый. Он, как будто прочитав мои мысли, улыбнулся.

– Кстати, не бойся, тебя точно не выкинут из проекта. Хоть они и думают, что мы ничего не знаем, но мы не глухие. О тебе, надеюсь ты не против перехода на ты, говорили...тебя искали, мол, ты главное звено. Так что придется тебе еще пару раз поумирать.

Я так и не произнесла ни слова. Главное, что этот болтун сам мне выложил все, что я хотела услышать. Случайность моего попадания в эксперимент исключалась.

Как только я вошла в квартиру, я обессилено опустилась на пол и решила немного поплакать. Но ничего не вышло. Чертово успокоительное! Буквально ползком я добралась до кровати, свернулась калачиком прямо на покрывале и провалилась в дремоту.

Я проснулась от жуткого холода. Я потянулась в поисках пледа и...я захотела закричать, но голоса не было. На меня смотрела Брук. Очень мертвая и кровавая Брук. Или очень мертвая и кровавая я. Нет, это была она. Я чувствовала, что сейчас мы разные люди. Я не знала, это сон или галлюцинация. Но Брук стояла в проходе и хотела общаться, как могла. Она протянула руку ко мне, я съежилась и уткнулась в спинку кровати. Ее голова наклонилась, в знак удивления. Мне стало жаль ее. Мне было жаль свою галлюцинацию. Я протянула руку. Она улыбнулась и в два шага оказалась у моей постели. Ее рука впилась в мою, ее холодные пальцы сжали запястье. И я хотела отнять руку, но была поглощена картинкой, сменившейся во мне, как в кинофильме.

Это была Брук, но очень красивая. В дорогом черном костюме, волосы уложены. Это была спальня, и она явно собиралась уходить. Но ее кто-то отвлекал разговором. Она громко хохотала и постоянно смешно наклоняла голову набок. Я не могла увидеть мужчину, так как он стоял ко мне спиной. Тут он повернулся, чтобы что-то положить на комод. Это был Джош. Он выглядел так же презентабельно, как и она. Она явно спешила, но уходить – не уходила. А он не хотел пускать. Обнял ее за талию и начал что-то шептать. Она улыбалась, иногда сжимая его плечо. Мне стало неловко. И опять, как по моему желанию, новая картинка. Это чей-то кабинет. Он выглядит очень тесным. Брук сидит в мягком кресле и плачет. Над ней склонился мужчина. Он так красив. Он не так прост, как Джош. Из него так и прет весь лоск и пафос. Я слышу приглушенно фразы: «Он хотел сместить тебя. Это была гонка для вас двоих, но приз достался бы только одному. Он не стал уступать. Он тебе не нужен, Брук. Сама подумай, где ты теперь без него будешь. Лучшего места и не придумать для тебя. Пусть клепают свои новости. Ты будешь делать мир лучше. Я позабочусь о тебе».

Следующая картинка без Брук. Джош сидит в просторном кабинете. Выглядит он усталым и взволнованным. Снова приглушенно: «Джош, я понимаю, ты как джентльмен хочешь уступить ей место, но редакция решила, что она не подходит для этой должности. Она хочет писать о том, о чем читатели не хотят читать. Ты не в силах изменить это».

– Я понимаю, но вы должны объяснить это ей, я не хочу, чтобы произошло недопонимание!

– Джош, вчера она подала заявление на увольнение сама, мы не успели ей ничего рассказать... может это к лучшему.

Мужчина похлопал Джоша по плечу и вышел.

Следующая картина – ресторан. Брук в красивом соблазняющем платье, напротив сидит тот молодой человек. Я начинаю понимать, что это Марк. Его глаза буквально пожирают Брук. Я вижу, что ей неуютно от этого взгляда, но она блестяще играет роль соблазненной девушки. Я догадываюсь, чем закончится этот вечер.

Новый кадр – Брук, завернутая в одеяло, смотрит телевизор. Там показывают людей с оружием, плачущих женщин. Тут видимо из ванной комнаты выходит... Марк. Брук тихо говорит: «Я должна туда отправиться. Ты мне поможешь?»

Марк хмурится.

– Я бы не хотел так рисковать твоей жизнью.

– Но это та работа, которую ты мне обещал.

Неожиданно, комната исчезает, и я вижу вертолетную площадку. Брук выглядит именно так, какой была, когда мы были вместе. Она смотрит на часы и сердито говорит: «Ну и где мой оператор?»

И тут она видит Джоша.

– Нет, этого не может быть, – шепчет она себе под нос.

– Здравствуй, Брук. «Видимо будем снова работать вместе», — говорит Джош с извиняющейся улыбкой.

– Как это возможно? Ты же этим не занимался с колледжа!

– Ну, это важная миссия, я решил, что это лучшее место сейчас для журналиста.

– Видимо, у меня нет выбора.

И резко все расплывается. Я в своей постели, но рядом нет никого.

Первая мысль – это сон. Но потом я смотрю на свою руку и вижу четкие следы от пальцев. Она была здесь, какой-то силой, но она пришла сюда. Мне стало дурно, я помчалась в ванную очистить свой желудок.

Я больше не могла спать. Я решила прошерстить интернет, я хотела узнать больше о загадочном Марке. Но я не могла так просто на него выйти, я не знала его фамилии. Решила искать через Брук. Руки сами набрали: «Журналистка Брук и Марк» ...поиск выдал неожиданную строку: «...не успели пожениться»

Я нажала и высветилась статья: «Марк Боул – преуспевающий политик, потерял свою невесту-журналистку Брук Джоунс в Йемене во время ее работы там. Девушка отправилась туда с целью показать весь ужас этой войны изнутри, но была схвачена со своим оператором бандой террористов. Все, что Марк Боул получил от них – это запись казни своей невесты. Тела журналистов не были найдены. Марк Боул не дает никаких интервью, он лишь заявил, что покидает политику, и даже, возможно, страну».

Далее внизу было приложено видео. Не знаю, зачем я нажала кнопку просмотра. Я же была там. Но так захотелось увидеть все своими собственными глазами. С видео на меня смотрела испуганная Брук, я не помнила такого страха. Она вжалась в стул, на котором сидела, и ее глаза выражали полное отчаяние. Она буквально кричала ими о помощи. Главарь террористов не изменился. Когда он выстрелил в Брук, то улыбнулся. Но Джош не выпускал из рук камеру, он продолжал снимать. Видимо, был в полнейшем шоке. Террорист что-то проговорил на своем языке, камера наклонилась, кажется, кто-то пытался вырвать ее из рук Джоша. Но его пальцы крепко держали. Видимо, он упал со стула, камера крупным планом сняла обезображенное лицо Брук. Тихий шепот: «Нет».

Потом звуки ударов, потряхивание и все прекратилось.

Я просидела, пялясь в кружку с остывшим кофе до самого утра. Я была разбита, и хотела, чтобы мне позвонили и сказали, что я больше не участвую в проекте. Было так больно, хотя я была все еще жива. Но Брук, как будто оказалась у меня под кожей, заняла свою нишу там в моей оболочке вокруг сердца. И душила меня своим горем. Сколько таких личностей я выдержу? И сколько их там вообще? Они все страдали?

Провалилась весь день. К вечеру тишину квартиры разорвал звонок. Я на секунду зависла над дисплеем. Но повторный звонок настойчиво врезался в мои сомнения.

– Оливия, это Беатрис. Решила сама тебе позвонить. У меня радостная новость – мы ждем тебя завтра. Видимо, начальство ничем не напугать. Они запросили все материалы, даже захотели просмотреть видео с твоего датчика на планшете. Мне кажется, твоя реакция их еще больше заинтересовала. Ты же придешь завтра?

Я облокотилась на стену, из глаз выкатились две крупные слезы. Я, задержав дыхание, промычала в трубку: «Угу».

– Ты в порядке, Оливия? – обеспокоенно спросила Беатрис.

Я вытерла слезинки со щек и выдохнула: «Я справлюсь. Я хотела спросить, возможны галлюцинации после процедуры?»

– А у тебя они были?

– Просто кое-что померещилось один раз, – сама не знаю, почему я решила ей все не рассказывать.

– Расстройство сознания возможно, но массивные галлюцинации не наблюдались. Если что-то померещилось, думаю, это пустяк. Просто нервы, и первичное отторжение организма. Завтра за тобой заедут в 10. Хорошенько выспись, – и она отключилась, не дождавшись ответа.

Утром я не хотела открывать глаза до последнего. Мне снились сны, я не могла их уловить, но они были яркие и волнующие. Встала в половину десятого. Собиралась медленно, хотелось опоздать, показать, что не живу я по расписанию этих слишком много думающих о себе ученых. Настроение паршивое, и погода как будто отозвалась на это состояние. За окном – дождь. Надела серый свитер, джинсы, не успела я заплести косу, как мне позвонили – уже ждут. Смотрю на часы – 9:59. Поразительно.

За мной приехал не красавчик, что меня огорчило. Он был отличным источником информации. Но, видимо, раз ученый, он занят более важными делами, чем возить какую-то подопытную. Все по тому же плану, быстро добрались до места, как-то смутно я прошла внутрь здания, и устало уселась на свое место. Подняла глаза на остальных – все бодры и оживлены. Спортсмен что-то живо обсуждал с фотомodelью Мари. Тут я наткнулась на взгляд Пола. Он откровенно рассматривал меня. Я отвернулась и уставилась на Люси, которая выглядела тоже усталой.

– Тяжелые деньки? – спросила я.

Она испуганно взглянула на меня, потом неопределенно пожала плечами. Мы продолжали ждать непонятно чего. Наконец, вошел Мартин, все заерзали на стульях.

– Простите, что заставили вас ждать. Просто еще один особый участник проекта опаздывал. Дальняя дверь открылась, и вошел...Марк! Я чуть не вскрикнула. Он не изменился вообще, в моей голове мелькнула дикая мысль, что это и правда он.

– Это Себастьян. Он у нас доброволец, – Мартин усмехнулся.

Этот загадочный мужчина уверенной походкой прошел на свободное место прямо рядом со мной. Я и не заметила, откуда взялся этот свободный стул. Я откровенно уставилась на него. Темные волосы были зачесаны назад, темно-синий костюм тихо шуршал при ходьбе, на руке была внушительная золотая печатка, он был как с рекламы дорогого мужского парфюма. Его серые холодные глаза на секунду впились, вторглись в мое пространство. Он меня знал. Я была в этом уверена. Его холодная энергия окружила все вокруг меня, когда он сел слева от меня.

Наверное, я выглядела как кошка, которую бросили в воду, съезжившаяся и с дикими глазами, потому что, подняв взгляд, напротив, я увидела на лице Пола вопрос.

Голос Мартина вернул меня в реальность, я постаралась сосредоточиться: «Сегодня уйдем еще немного дальше, но предупреждаем, вы снова попадете в день своей смерти. После этого мы позволим вам пожить жизнью вашей третьей сущности. Но сначала вы должны успешно пройти сегодняшний тест. Показатели вашего организма для нас очень важны. Напоминаю вам всем, что вы должны разделять вас и ваше прошлое я. Держите свое сознание под контролем».

Кажется, он недовольно мельком взглянул на меня. Снова Генри раздал планшеты и шприцы. У меня вдруг неожиданно начали трястись руки. Я беспомощно начала искать глазами, кто мне поможет. Холодные глаза внимательно смотрели на меня: «Вам помочь?»

Я, как загипнотизированная, кивнула. Он пододвинул стул, и его ледяные пальцы сжали мою руку. Но я не отрывала взгляда от его лица и даже не заметила, как все вокруг начало растворяться, только серые глаза смотрели на меня из темноты.

Линда Райт. Вашингтон. 1982 год

Я посреди аэропорта. И меня зовут Линда. Я внутренне пытаюсь рассмотреть свой образ. Я высокая и подтянутая молодая девушка, возможно, занимаюсь спортом. На мне джинсовая юбка и заправленный в нее цветастый пуловер. Замечаю, что на мне плотные колготки, на ногах зимние сапоги, а в руках теплое пальто – на улице зима. Я нервничаю, что-то идет не по плану. Но мне самой уже легче быть внутри этого тела, я чувствую себя маленькой скрытой камерой. Я настраиваю разные углы внутреннего зрения и могу видеть подробности ее знаний и воспоминаний. Одно нелегко – отсутствие своих физических способностей, и я все еще не могу привыкнуть к этому, да и в голове так и сидят серые глаза. Тут я понимаю – рейс Линды задерживают, и это ей не нравится. Она здесь уже полтора часа, и судя по всплескам недовольной энергии, она не любит ждать. Как и я. Меня удивляет тот факт, что моя прапрошлая я все равно имеет точки соприкосновения со мной настоящей. Не успеваю я задуматься об этом, как что-то громко начинает пищать. Линда достает какой-то немаленький аппарат, выдвигает из него антеннку и прикладывает к уху: «Линда Райт слушает».

Этого не могло быть, на том конце телефона я услышала голос Марка. Мое сознание забило в легкой истерике внутри Линды, но она, конечно, не могла бы это почувствовать.

– Келвин, я не имею понятия, почему мы задерживаемся, скорее всего, из-за непогоды, сказали, что через 10 минут начнется посадка.

– Линда, пожалуйста, подумай, стоит ли тогда лететь в такую метель. Я могу подождать еще пару дней!

Его голос звучал очень заботливым, это был голос не Марка – расчетливого и хитрого. Это было другое амплуа. Я напряглась и попыталась вызвать в голове Линды образ Келвина. Если бы у меня было тело, то по лбу бы потек пот ручьем. Но наконец, я нащупала – лицо Марка, и Себастьяна. Он не меняется! Эту чертовщину я должна буду выяснить.

– Нет Келвин, я больше не могу находиться в этом городе. Все обсуждают меня за спиной, все знают, куда я бегу. Здесь не будет покоя, и еще несколько дней я не переживу. Хочу видеть тебя, быть с тобой. Начнем новую жизнь, как и мечтали, – в ее голосе звучал надрыв, кажется, эти двое что-то пережили вместе.

– Линдочка, я просто беспокоюсь. Но если ты настаиваешь, то я просто приеду тебя встречать чуть попозже. Будь осторожна, целую!

Линда склонилась над сумкой, убирая свой большой телефонный аппарат, когда кто-то коснулся ее плеча сзади. Она обернулась, и мы оба увидели милого молодого человека в очках, которые придавали ему немного неуклюжий вид.

– Гарри, что ты здесь делаешь???

Но глаза принадлежали не Гарри, а Полу. Происходило что-то дико странное. Эти двое второй раз влезают в мою судьбу, на место паники пришло чувство раздражения. Неужели он решил умереть снова вместе со мной, и вообще, как скоро это случится? На меня нападут террористы или я поскользнусь на лестнице и разобью голову??

– Я пришел снова попробовать тебя отговорить!

– Не начинай, пожалуйста, мы друзья, мне тяжело с тобой расставаться, но теперь я начинаю новую жизнь.

– Тебе не обязательно улетать, ты можешь перевестись в другой университет!

– Во Флориде меня никто не знает, а здесь на каждом шагу знакомые. Тем более там Келвину дают место. И вообще я думаю, мы переедем оттуда в другую страну в скором времени. У нас с ним есть планы.

– А если я скажу...

Он замялся, переступая с ноги на ногу. Объявили посадку на наш рейс. Я знала, что это наш рейс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.